
И 250
1217

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ. № 277.

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

составленный

Е. Тихомировымъ.

КЪ 500-ЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ

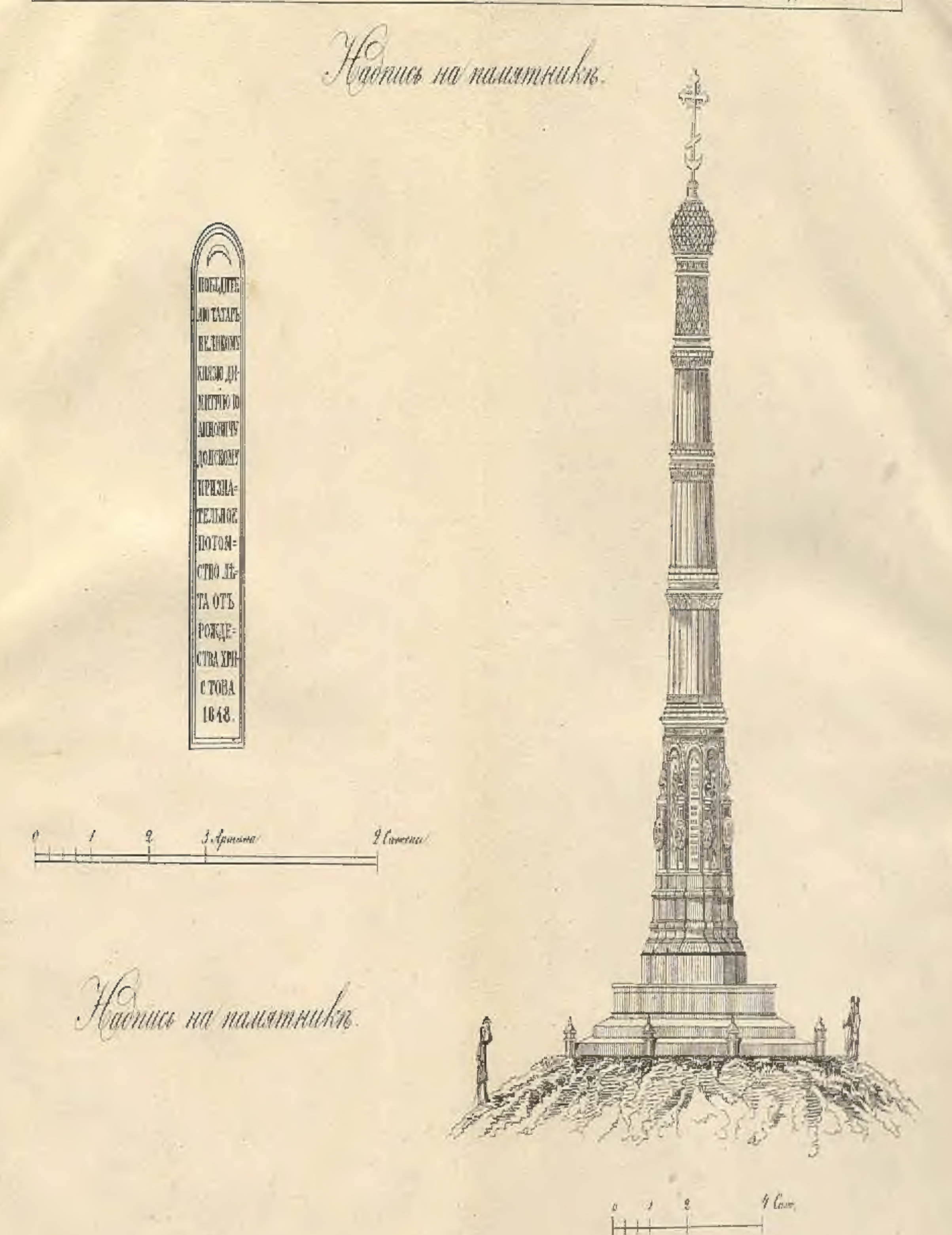
КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

(8 Сентября 1380 года—8 Сентября 1880 года).

МОСКВА.
Типографія Общества распространенія полезныхъ книгъ.
1880.

Дозволено цензурою. Москва, 27 Августа 1880 года.

Памятникъ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ДИМИТРІЮ ІОАННОВИЧУ ДОНСКОМУ,

на Куликовомъ полѣ.

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

Да вѣдають потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ почитають
За ихъ труды, за славу, за добро....

А. Пушкинъ.

То-ли чисто поле Куликово,
Изостлано поле мертвыми тѣлами
Христіанскими да татарскими:
Христіане-то какъ свѣчки теплятся,
А татары-то какъ смола черна.

Изъ народнаго духовнаго стиха.

8-го сентября текущаго года исполнится ровно 500 лѣтъ одному изъ достопамятнѣйшихъ событій нашей исторіи — знаменитой Куликовской битвѣ, происходившей на берегахъ Дона 8-го сентября 1380 года. Это событіе глубоко запечатлѣлось въ памяти русскаго народа, потому что оно воскресило и ободрило его упавшій духъ въ тяжкое и мрачное время татарскаго владычества. Въ царствованіе императора Николая Павловича это событіе, давно уже увѣковѣченное въ памяти народной, увѣковѣчено было памятникомъ, воздвигнутымъ на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ оно происходило 500 лѣтъ тому назадъ. Въ 500-лѣтнюю годовщину этого событія прилично и благовременно воскресить его въ памяти потомства, находящаго для себя назиданіе и утѣ-

шеніе и почерпающаго себѣ одушевленіе въ великихъ подвигахъ предковъ.

Перенесемся же мыслію въ тѣ отдаленныя времена нашей исторіи.

Болѣе 600 лѣтъ тому назадъ на отечество наше обрушилось неожиданно-страшное бѣдствіе: изъ глубины Азіи нахлынула на Европу полумилліонная дикая орда татаръ, раззорила и опустошила Россію и подчинила ее своему владычеству, чему много способствовали несогласіе и раздоры между самими русскими князьями, оборонявшимися отъ общаго врага разъединенными силами, вмѣсто того, чтобы соединиться всѣмъ вмѣстѣ для дружнаго отпора страшнымъ дикарямъ. Это ненавистное и постыдное иго дикихъ завоевателей Русская земля несла около двухъ вѣковъ съ половиною (съ 1241 до 1480 года). Особенно тяжко и невыносимо было первое столѣтіе нашего рабства: свѣжія раны бываютъ всегда жгучѣе и мучительнѣе. И всегда нелегко одному народу находиться въ порабощеніи у другаго народа;— тѣмъ тяжеле и чувствительнѣе было русскому народу, народу христіанскому и еще не окрѣпшему политически, быть подъ владычествомъ такого дикаго и свирѣпаго народа, каковы были татары, и находиться въ полной и безотвѣтной зависимости отъ такихъ жестокихъ и кровожадныхъ деспотовъ, каковы были всѣ эти Узбеки, Джанибеки, Бердибеки, не щадившіе никого и ничего... Надолго осталась памятною русскимъ тяжелая неволя татарская!

Русскій народъ смирился покорно подъ карающую десницу Божію, признавъ постигшее его бѣдствіе праведнымъ наказаніемъ за свои грѣхи; однако онъ не упалъ совершенно духомъ и не переставалъ надѣяться, что тотъ же правосудно-милосердый Богъ, Который послалъ ему испытаніе, пошлетъ ему, когда придетъ время,

и избавленіе. И Богъ дѣйствительно послалъ русскому народу избавителей въ лицѣ московскихъ князей, которые начали собирать въ одно цѣлое разрозненныя части земли русской, объединять и сплачивать всѣ расходившіяся врозь силы русскаго народа: несогласіе и разъединеніе привели русскій народъ къ погибели, — дружное единеніе и крѣпкое согласіе должны были спасти его. Между тѣмъ, въ то самое время, какъ московскіе князья мало-по-малу, не спѣшно, но успѣшно объединяли и усиливали Русь, орда татарская начала слабѣть вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и раздоровъ, происходившихъ въ ней [1]).

И вотъ, во второе столѣтіе татарскаго владычества (въ 1363 году) великимъ княземъ московскимъ сдѣлался Димитрій Іоанновичъ, внукъ Іоанна Калиты, перваго *собирателя* русской земли. А въ Золотой Ордѣ воцарился въ это самое время Мамай [2]).

Прошло уже болѣе 100 лѣтъ отъ начала татарскаго ига: русскіе начали приходить въ себя, дышать сво-

---

[1]) По завоеваніи нашего отечества, татары, занявшіе своими кочевьями всѣ южныя и восточныя степи Россіи, образовали новое царство, извѣстное подъ именемъ Золотой, или Кипчакской Орды и простиравшееся отъ Урала до низовьевъ Дуная. Главныя силы его сосредоточились на берегахъ Волги; на волжскомъ рукавѣ Ахтубѣ Батый, завоевавшій Россію, построилъ городокъ Сарай: здѣсь стали жить кипчакскіе ханы, окруженные пышнымъ дворомъ и многочисленнымъ войскомъ. Въ окрестностяхъ Царева, уѣзднаго города Астраханской губерніи, видны еще и теперь развалины Сарая, простирающіяся верстъ на 15.

[2]) Мамай первоначально самъ не былъ царемъ или ханомъ, а былъ только главою одной изъ двухъ придворныхъ партій въ Ордѣ, распоряжавшихся ханами какъ куклами. Но затѣмъ усилившись и восторжествовавъ надъ своими противниками, Мамай самъ назвался царемъ. Явленіе — весьма обычное въ военно-деспотическихъ восточныхъ царствахъ.

боднѣе; татары перестали наводить на нихъ прежній подавляющій страхъ; русскіе не хотятъ уже сносить терпѣливо татарскія нападенія, начинаютъ давать отпоръ. Наконецъ великій князь Димитрій Іоанновичъ, первый изъ русскихъ князей, началъ наступательное движеніе противъ татаръ. Въ 1376 году московскіе полки, вмѣстѣ съ дружинами суздальскими и нижегородскими, двинулись на Казань—безпокойное татарское гнѣздо, взяли ее и заставили князей ея платить дань московскому великому князю. Русскіе начинаютъ отплачивать татарамъ тѣмъ, что̀ до сихъ поръ получали отъ нихъ, — подчиняютъ ихъ себѣ. Но татары не думали и не желали отказываться такъ легко отъ господства надъ русскими, которыхъ считали своими всегдашними рабами. Еще Мамай не собрался съ силами, чтобы идти противъ русскихъ самому; къ тому же въ это время свирѣпствовала въ ордѣ моровая язва. Поэтому онъ ограничивался пока посылкою своихъ подчиненныхъ. Въ 1377 году онъ послалъ воевать Русь татарскаго царевича Арапшу. Московскія и нижегородскія войска встрѣтились съ татарами на рѣкѣ Пьянѣ [3]); и если русскіе потерпѣли здѣсь пораженіе, то единственно вслѣдствіе своей крайней безпечности и непростительной самонадѣянности. Отбросивъ всякій страхъ и позабывъ всякую осторожность, русскіе, думая, что татары еще далеко, пировали, нѣжились и похвалялись надъ татарами, говоря: «каждый изъ насъ можетъ идти одинъ на семерыхъ татаръ.» А татары между тѣмъ напали на нихъ врасплохъ и побили жестоко... Въ слѣдующемъ 1378 году Мамай отправилъ опять сильное войско, подъ начальствомъ князя Бѣгича, противъ великаго князя. Оно шло чрезъ Ря-

---

[3]) Рѣка Пьяна, протекающая по Нижегородской и Симбирской губерніямъ, впадаетъ въ Суру.

занскую землю на Москву. Но великій князь предупредилъ Бѣгича и самъ вышелъ на встрѣчу ему въ Рязанскую землю. Они встрѣтились на рѣкѣ Вожѣ [4]). Москвичи дали врагамъ переправиться на другой берегъ Вожи и потомъ ударили на нихъ съ разныхъ сторонъ: съ одной стороны полоцкій князь Андрей Ольгердовичъ, съ другой — пронскій князь; прямо ударилъ на нихъ самъ великій князь московскій. Татары побѣжали, покинувъ свои шатры, кибитки и телѣги, а въ телѣгахъ русскіе нашли много всякаго добра.

Эта побѣда русскихъ надъ татарами была предвѣстницею рѣшительной войны. Мамай ожесточился. Онъ рѣшился страшно наказать своихъ непокорныхъ рабовъ, и во главѣ ихъ великаго князя московскаго.

Прежде всего должна была раздѣлаться за пораженіе татаръ на Вожѣ Рязанская земля, потому что въ этой землѣ случилось посрамленіе властительной орды. Хотя самъ великій князь рязанскій и не участвовалъ въ этой злосчастной для татаръ битвѣ, тѣмъ не менѣе область его подверглась раззоренію: Мамаево полчище разсыпалось по Рязанской землѣ, жгло людскія поселенія и увело въ плѣнъ много людей.

Затѣмъ Мамай рѣшился идти на Московскую землю и послалъ по окрестностямъ нанимать войска. Собравъ многочисленное войско, состоявшее изъ татаръ, половцевъ, генуэзцевъ, черкесовъ, ясовъ и другихъ народовъ, онъ перешелъ Волгу, двинулся къ Воронежу и расположился станомъ при впаденіи этой рѣки въ Донъ. Здѣсь нужно сказать, къ стыду и сожалѣнію, что Олегъ Ивановичъ, великій князь рязанскій, не надѣясь, чтобы Димитрій Іоанновичъ могъ устоять противъ Мамая и

---

[4]) Рѣка Вожа впадаетъ въ Оку съ правой стороны, въ рязанскомъ уздѣ.

притомъ находясь во враждѣ съ великимъ княземъ московскимъ, измѣнилъ русскому имени, чести и дѣлу и перешелъ на сторону Мамая, униженно прося у него пощады и милости [5]). (Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что во время рѣшительныхъ дѣйствій Олегъ остался въ сторонѣ и не помогалъ ни Димитрію, ни Мамаю.) Кромѣ того Мамай пріобрѣлъ и еще одного союзника противъ Димитрія: это былъ Ягейло, великій князь литовскій, которому непріятно было видѣть возвышеніе и усиленіе московскаго княжества. Вотъ какая страшная гроза собиралась надъ великимъ княземъ московскимъ!

Весною 1380 года Димитрій получилъ извѣстіе, что Мамай стоитъ уже на Воронежѣ. Самъ Олегъ рязанскій, скрывая свои предательскія сношенія съ врагами великаго князя московскаго, извѣщалъ его объ угро-

---

[5]) Олегъ послалъ къ Мамаю пословъ и грамату, въ которой говорилось слѣдующее: „Восточному великому царю царямъ, Мамаю, посаженикъ твой и присяженикъ Олегъ, князь Рязанскій, много молитъ тебя. Я услышалъ, господинъ, что ты хочешь идти и грозишься на твоего служебника Димитрія, князя Московскаго. Теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ богатствъ. Князь Димитрій, какъ только услышитъ имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста — или въ Великій Новгородъ или на Двину, а богатство московское будетъ въ рукѣ у тебя. А меня, Олега Рязанскаго, раба твоего, сподоби твоей милости. Мы оба—твои рабы; но я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ, а онъ къ тебѣ съ гордостію и непокорствомъ. Я много великихъ обидъ принялъ отъ твоего улусника Димитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, а еще заграбилъ себѣ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью тебѣ челомъ: накажи его, чтобъ онъ чужаго не похищалъ.“ Въ тоже время Олегъ завелъ сношенія съ великимъ княземъ литовскимъ Ягейломъ, къ которому писалъ такъ: „Ты давно хотѣлъ прогнать Московскаго князя и овладѣть Москвою,—теперь пришло время: Мамай идетъ на него, соединимся съ нимъ. Посылай своихъ пословъ съ дарами. Самъ лучше меня знаешь, какъ поступить.“

жавшей ему опасности какъ будто дружелюбно. «Мамай со всѣмъ царствомъ идетъ въ землю Рязанскую противъ меня и тебя,» писалъ онъ Димитрію,— «Ягайло также. Но еще рука наша высока: бодрствуй и мужайся.» Вслѣдъ затѣмъ прибыли къ Димитрію Іоанновичу послы отъ Мамая съ требованіемъ такой дани, какую Москва платила ордѣ при Узбекѣ и Джанебекѣ, а не такой, какая была уряжена съ Мамаемъ при признаніи имъ Димитрія великимъ княземъ. Димитрій, по словамъ лѣтописца, «оскорбѣлъ и опечалился зѣло» и прежде всего обратился съ молитвою къ Богу. И не мудрено было ему оскорбѣть и опечалиться: на него собиралась идти вся орда татарская, съ тѣмъ, чтобы напомнить русскимъ времена Батыя, чтобы безпощадно наказать строптивыхъ рабовъ! А между князьями русскими все еще не было полнаго согласія и единодушія; да и страхъ предъ татарами не успѣлъ еще совершенно искорениться въ сердцахъ русскихъ людей, живо помнившихъ времена Узбековъ и Джанибековъ...

По совѣту тогдашняго главы русскаго духовенства, митрополита Кипріана, Димитрій рѣшился отклонить нашествіе грознаго Мамая и укротить его ярость смиренною покорностію [6]): онъ отправилъ въ Орду посла

[6]) Переговоры Димитрія съ митрополитомъ Кипріаномъ подвергаются сомнѣнію на томъ основаніи, что, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ списковъ, Кипріанъ пріѣхалъ въ Москву позднѣе (именно въ 1381 году). Но во-первыхъ, нельзя положительно признавать бо́льшей справедливости другихъ списковъ противъ Никоновской лѣтописи, сообщающей объ этихъ переговорахъ; а во-вторыхъ, въ самомъ фактѣ, сообщаемомъ ею, нѣтъ ничего неправдоподобнаго: если не съ Кипріаномъ, то съ епископомъ коломенскимъ Герасимомъ или съ какимъ-нибудь другимъ іерархомъ великій князь могъ вести подобные переговоры, и имя митрополита могло впослѣдствіи, при смѣшеніи воспоминаній, замѣстить имя епископа.

Захарія Пулчева съ двумя толмачами (переводчиками). Посолъ повезъ покорную грамату и дань Мамаю. Но дань эта по своему размѣру все-таки не соотвѣтствовала высокимъ требованіямъ гордаго властителя, рѣшившагося возстановить прежній блескъ и силу Золотой Орды. Вступивъ на рязанскую землю, посолъ московскій узналъ, что Олегъ передался Мамаю, о чемъ и извѣстилъ немедленно своего князя. Димитрій сказалъ съ горестію: «Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ!»

Великій князь послалъ по всѣмъ землямъ русскимъ свои граматы, призывая всѣхъ князей съ ихъ дружинами и всѣхъ людей русскихъ сходиться на рать. Въ ожиданіи вѣстей отъ своихъ гонцовъ Димитрій между тѣмъ, согласно благочестивому обычаю, творилъ милостыни по монастырямъ, раздавалъ подаяніе нищимъ, надѣлялъ прохожихъ странниковъ. Въ числѣ первыхъ, откликнувшихся на призывную грамату Димитрія, былъ прежній врагъ его, великій князь тверской, Михаилъ Александровичъ: онъ прислалъ къ великому князю московскому племянника своего, холмскаго князя, Ивана Всеволодовича. Между тѣмъ въ Москву прибылъ гонецъ и объявилъ, что Мамай не соглашается ни на какія сдѣлки и идетъ на Москву. По сказанію лѣтописи, Мамай посягнулъ даже на вѣру христіанскую, высказавшись въ порывѣ ярости предъ своими вельможами такъ: «возьму Русскую землю, раззорю христіанскія церкви, ихъ вѣру на свою переложу и велю кланяться Магомету: гдѣ были у нихъ церкви, тамъ поставлю мечети; посажу баскаковъ по всѣмъ городамъ русскимъ и перебью русскихъ князей!» Итакъ народу русскому приходилось отстаивать разомъ и отечество свое, и вѣру свою—самое дорогое достояніе свое!

Увѣрившись окончательно въ невозможности покон-

чить дѣло съ Мамаемъ мирнымъ путемъ, Димитрій послалъ въ другой разъ увѣщательную и призывную грамоту къ князьямъ. Гонцы его поскакали во всѣ концы подручныхъ земель. Онъ назначилъ всѣмъ собираться къ 31 іюля въ городъ Коломну. Вмѣстѣ отправлены были трое воеводъ (Родіонъ Ржевскій, Андрей Волосатый и Василій Тупикъ) съ отрядомъ въ сторону къ Тихой и Быстрой Соснѣ [7])—достать вѣстей: гдѣ Мамай, когда и какимъ путемъ онъ собирается идти.

Въ Москву между тѣмъ приходили ополченія за ополченіями, не только уже по призыву, но и добровольно: бѣда угрожала всей землѣ Русской! О посланной же стражѣ не было никакого извѣстія: въ Москвѣ полагали, что она побита. Великій князь послалъ другую стражу, съ приказаніемъ возвращаться какъ можно скорѣе, чтобы не томиться незнаніемъ. Эти вновь посланные встрѣтили Василія Тупика (а что сталось съ другими его товарищами, неизвѣстно): Тупикъ возвращался съ языкомъ [8]) къ великому князю въ Москву; воротились и другіе. Языкъ подъ допросомъ показалъ: «идетъ царь Мамай, совокупясь съ Олегомъ рязанскимъ, и Ягейло литовскій заодно съ ними; но еще не спѣшитъ,—ждетъ осени, чтобъ сойдтись съ Литвою.» Это извѣстіе было весьма благопріятно для Димитрія: онъ имѣлъ еще достаточно времени для того, чтобы стянуть русскія силы. Немедленно разослалъ онъ опять гонцовъ по разнымъ землямъ — торопить ополченія. Вмѣсто прежняго, уже приближавшагося срока сбора ополченій, онъ назначилъ дальнѣйшій срокъ 15 августа:

---

[7]) Обѣ эти рѣки впадаютъ въ Донъ съ правой стороны—одна въ Орловской, а другая въ Воронежской губерніи.

[8]) Языкомъ назывался въ старину плѣнникъ, отъ котораго выѣдывали о состояніи непріятельскаго войска.

къ Успеньеву дню всѣ князья съ своими дружинами должны были быть уже въ Коломнѣ. И вотъ подручные Димитрію князья стали собираться—кто въ Москву, кто прямо въ Коломну. Въ Москву прибыли съ своими ополченіями князья бѣлозерскіе: Θедоръ Семеновичъ и Семенъ Михайловичъ и другіе князья изъ рода бѣлозерскихъ, князь ярославскій Андрей, князь ростовскій Димитрій, князь прозоровскій Романъ и другіе.

Прежде чѣмъ выступить въ походъ, Димитрій Іоанновичъ посѣтилъ Троицкій монастырь. Въ это время былъ еще живъ знаменитый святостію своей жизни основатель этой святыни московской земли. Димитрій пришелъ испросить у него благословеніе на предстоящій великій и трудный подвигъ—борьбу съ Мамаемъ за вѣру и отечество [9]). Преподобный Сергій устроилъ для великаго князя и для прибывшихъ вмѣстѣ съ нимъ князей и воеводъ трапезу въ своемъ монастырѣ. За трапезою стояла святая вода. Вѣрный христіанскому смиренію и миролюбію, предпочитая лучше золотомъ и серебромъ отдѣлаться отъ врага, чѣмъ рѣшаться на кровопролитіе, противное Богу, святой Сергій сказалъ великому князю:

«Почти дарами и честью нечестиваго Мамая: Господь

---

[9]) Съ отраднымъ чувствомъ видѣли мы въ наши дни повтореніе благочестиваго примѣра великаго князя Димитрія Іоанновича: предъ началомъ послѣдней войны съ турками Августѣйшій Вождь Русскаго войска, Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, также посѣтилъ Сергіеву лавру, чтобы испросить благословеніе на ратный подвигъ, въ защиту угнетенныхъ братьевъ нашихъ, у мощей святаго мужа, благословившаго нѣкогда Димитрія Донскаго на брань съ Мамаемъ. Мы переносились невольно воспоминаніемъ къ славному прошлому, и блистательный конецъ подвига нашихъ славныхъ воиновъ показалъ, какъ и тогда, силу и дѣйственность благословенія великаго отчизнолюбца Сергія.

увидитъ твое смиреніе и вознесетъ тебя, а его неукротимую ярость низложитъ.» Димитрій отвѣчалъ:

«Я уже поступилъ такъ, отче! Но онъ тѣмъ болѣе несется на меня съ гордостію.»

Сидя за трапезою, Димитрій замѣтилъ двухъ монаховъ: они были рослы, плечисты, крѣпко сложены, мужественны видомъ. Одинъ звался Александръ Пересвѣтъ, другой—Андрей Ослябя. Оба они были когда-то ратные люди (первый изъ нихъ былъ прежде бояриномъ брянскимъ), слыли богатырями, но отреклись отъ мірской суеты ради подвиговъ духовной жизни. Димитрій сказалъ святому Сергію:

«Дай мнѣ, отче, на брань этихъ двухъ иноковъ. Мы знаемъ про нихъ: они были великіе ратники, крѣпкіе богатыри, смышлены къ воинскому дѣлу и къ наряду.»

Преподобный сказалъ инокамъ:

«Я вамъ велю готовиться на ратное дѣло.»

Пересвѣтъ и Ослябя поклонились игумену, изъявляя полное послушаніе его волѣ. Святой Сергій взялъ схимы съ нашитыми крестами и, возложивъ имъ на головы, сказалъ:

«Вотъ вамъ: носите это вмѣсто шлемовъ. Это вамъ доспѣхъ нетлѣнный вмѣсто тлѣннаго.—Возьми же ихъ съ собою, великій княже!—продолжалъ святой мужъ, обращаясь къ Димитрію:—это тебѣ мои оружники, твои извольники».

Затѣмъ онъ еще разъ обратился съ послѣднимъ прощально-напутственнымъ словомъ къ монахамъ-воинамъ:

«Миръ вамъ, возлюбленные братья, Пересвѣтъ и Ослябя! Подвизайтесь, какъ доблестные воины Христовы!»

Послѣ трапезы преподобный Сергій благословилъ крестомъ и окропилъ святою водою великаго князя и бывшихъ съ нимъ. Святой старецъ исполнился вдох-

новенiемъ и пророчески сказалъ Димитрiю наединѣ: «Господь Богъ будетъ тебѣ Помощникъ и Заступникъ; Онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ и прославитъ тебя.» Слова святаго мужа сильно обрадовали великаго князя и произвели на него отрадное впечатлѣнiе: онъ принялъ ихъ за голосъ самого Бога. Но онъ не осмѣлился никому пересказывать ихъ, опасаясь впасть самъ и ввести другихъ въ пагубную и преждевременную самонадѣянность: пророчество святаго Сергiя осталось тайною его души.

20-е августа было днемъ выступленiя войскъ изъ Москвы. Въ этотъ день великiй князь, князья и воеводы молились въ Успенскомъ соборѣ, кланялись мощамъ святаго митрополита Петра, предрекшаго нѣкогда главенство Москвы, и потомъ были благословлены крестомъ и окроплены святою водою. Всѣ войска, собравшiяся въ Москву, были разставлены на Красной площади вдоль длинной кремлевской стѣны. Ворота Фроловскiя (нынѣ Спасскiя), Константино-Еленинскiя (теперь не существующiя [10]) и Никольскiя были отворены настежъ: въ каждыхъ стояли священники и кропили святою водою ополченiя. Въ заключенiе всего Димитрiй молился въ храмѣ Архистратига Михаила и кланялся гробамъ своихъ прародителей. Затѣмъ начались проводы: великая княгиня Евдокiя, другiя княгини и боярыни провожали мужьевъ и разливались слезами. Великiй князь утѣшалъ свою плачущую супругу: «жено, не плачи: аще Богъ по насъ, кто на ны?» —однако и самъ съ трудомъ могъ удержаться отъ слезъ...

Димитрiй выѣхалъ изъ Кремля на своемъ любимомъ

---

[10]) Эти ворота, находившiяся въ юго-восточномъ углу Кремля, къ Москвѣ-рѣкѣ, заложены при исправленiи Кремля царемъ Михаиломъ Θедоровичемъ.

конѣ. По правую руку отъ него ѣхалъ двоюродный братъ и другъ его, Владиміръ Андреевичъ, князь серпуховской. Окинувъ взоромъ войско, великій князь обратился къ воинамъ съ такою рѣчью: «Лѣпо намъ, братія, положить головы за православную вѣру христіанскую, чтобы не взяли поганые городовъ нашихъ, чтобъ не запустѣли церкви наши, да не будемъ разсѣяны по лицу земли, а жены наши и дѣти да не отведутся въ плѣнъ, на томленіе отъ поганыхъ. Да умолить за насъ Сына Своего и Бога Нашего Пречистая Богородица.»

Ратные люди отвѣчали ему: «Мы приговорили положить свой животъ, служа тебѣ, и теперь прольемъ кровь свою за тебя!»

Затрубили ратныя трубы,—и ополченіе двинулось; но оно пошло по направленію къ Коломнѣ не одною, а тремя разными дорогами: «того ради не пошли одною дорогою, яко не мощно имъ вмѣститися» (Синод. лѣтоп.). Владиміръ Андреевичъ пошелъ на Брашево, къ нынѣшнимъ Бронницамъ, бѣлозерскіе князья—по Болванской дорогѣ, а самъ Димитрій—по дорогѣ на Котелъ (чрезъ Замоскворѣчье). Великая княгиня Евдокія съ воеводскими женами провожала выступавшія изъ Москвы дружины съ вершины своего золотоверхаго терема, сидя подъ полуденными окнами въ набережныхъ сѣняхъ. Слѣдя взоромъ за исчезающими вдали ополченіями, она заливалась слезами и говорила: «въ послѣдній разъ смотрю я на своего великаго князя!» Для защиты столицы и охраны своего семейства великій князь оставилъ въ Москвѣ воеводу Ѳеодора Андреевича.

При устьѣ рѣчки Сѣверки, впадающей въ Москву-рѣку за нѣсколько верстъ отъ Коломны, Димитрій былъ встрѣченъ воеводами тѣхъ полковъ, которые уже до-

жидались въ Коломнѣ, назначенной сборнымъ пунктомъ для всѣхъ русскихъ ополченій. При вступленіи великаго князя въ городъ, его встрѣтилъ въ воротахъ епископъ Герасимъ съ крестомъ въ рукахъ. На другой день Димитрій велѣлъ всѣмъ ополченіямъ собираться на лугу, который назывался *Дѣвьчьимъ-полемъ* [11] (близь сада какого-то Памфила). Все поле было покрыто необозримымъ воинствомъ. «И бяше толико великое воинство на поляхъ Коломенскихъ, яко очима созрѣти всего воинства не мощно бяше» (Синопсисъ). Еще въ первый разъ силы Русской земли были въ такомъ громадномъ числѣ собраны на защиту отечества: всего войска насчитано свыше 150,000 человѣкъ. Дмитрій Іоанновичъ устроилъ все свое ополченіе въ боевой порядокъ: каждый полкъ съ воеводою составлялъ отдѣлъ войска. Всѣ полки составляли три большихъ отдѣла: средину (большой полкъ, или чело), правую и лѣвую руку. Самъ великій князь находился въ срединѣ, или центрѣ съ воеводами своими и съ бѣлозерскимъ полкомъ, на лѣвой рукѣ предводителемъ былъ Левъ брянскій, на правой—Владиміръ Андреевичъ; на егоже сторонѣ были ярославскіе князья. Передовой, или сторожевой полкъ былъ подъ начальствомъ Димитрія и Владиміра Все-

---

[11]) На этомъ же самомъ полѣ, примыкающемъ къ лѣвому берегу Оки, производили смотръ своимъ войскамъ: Василій Дмитріевичъ во время нашествія Тамерлана, Василій Темный—во время борьбы съ дядею своимъ Юріемъ, Іоаннъ III—готовясь идти на Ахмата и Іоаннъ Грозный—предпринимая походъ на Казань. Названіе свое это поле получило, говорятъ, отъ того. что въ первыя времена монгольскаго ига татарскіе баскаки собирали на немъ плѣнныхъ *дѣвицъ* коломенскихъ, суздальскихъ и рязанскихъ, и послѣ осмотра избранныя поступали въ ханскій гаремъ.—Въ настоящее время Дѣвичье-поле принадлежитъ къ селу Протопопову.

володовичей. Кромѣ ополченій, прибывшихъ съ Димитріемъ изъ Москвы, въ Коломнѣ собраны были полки: переяславскій, юрьевскій, костромской, владимірскій, мещерскій, муромскій и коломенскій. Несмотря на то, что многіе все таки не успѣли еще придти, Димитрій рѣшился не дожидаться болѣе: нужно было спѣшить походомъ, чтобы предупредить соединеніе Мамая съ великимъ княземъ литовскимъ и не дать ему ворваться въ предѣлы Русской земли. Выбрали вожаковъ, знающихъ дорогу: это были купцы Сурожане [12]). Въ тѣ времена никто столько не путешествовалъ, какъ торговцы. Нашли такихъ, которые бывали въ разныхъ далекихъ краяхъ: ихъ было числомъ десять,—они-то и должны были вести войско [13]).

Въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (то есть, до 1-го сентября), великій князь, отслушавъ молебенъ въ коломенскомъ соборномъ храмѣ [14]) и взявъ благословеніе у епископа Герасима, велѣлъ переправляться за Оку,—и войско двинулось въ путь. На другой день, въ понедѣльникъ, переправился и самъ Димитрій Іоан-

---

[12]) Купцы *Сурожане* торговали шолковыми матеріями, которыя привозились въ Москву изъ Азова (Сурожа) отъ генуэзцевъ. Донынѣ рядъ въ Гостинномъ дворѣ, гдѣ продаются шолковыя матеріи, извѣстенъ въ Москвѣ подъ именемъ *Суровскаго*.

[13]) Вотъ имена этихъ десяти купцовъ-вожаковъ: Василій Капецъ, Сидоръ Ольферьевъ, Костянтинъ Волкъ, Кузьма Кувыря, Семенъ Онтоновъ (Коротоносъ), Михайла Сараевъ, Тимоѳей Весяковъ, Дмитрій Черный, Иванъ Шихъ и Дмитрій Саларевъ (Дементій Сараевъ).

[14]) Древній соборный храмъ (въ настоящее время—приходская Воскресенская церковь) стоитъ близъ самаго уѣзднаго училища. Въ этомъ храмѣ совершился бракъ Димитрія Іоанновича съ княжною суздальскою Евдокіею, въ иночествѣ Евфросиніею, нетлѣнно почивающею въ основанномъ ею Вознесенскомъ монастырѣ (въ Москвѣ).

новичъ съ своимъ дворомъ. Великій князь далъ приказаніе—проходя Рязанскою землею—не трогать никого и не дѣлать никакихъ насилій жителямъ, неповиннымъ въ измѣнничествѣ князя ихъ. На дорогѣ къ русскому ополченію пристали двое сыновей Ольгерда: Андрей, князь полоцкій, и Димитрій, князь брянскій, ненавидимые и преслѣдуемые младшимъ братомъ ихъ Ягейломъ, великимъ княземъ литовскимъ. Димитрій Іоанновичъ послалъ передовой отрядъ провѣдывать непріятеля, съ приказомъ—прислать скорую вѣсть. Погода благопріятствовала походу: осенніе дни были теплы и ясны, земля суха. 5-го сентября русское войско остановилось за 23 версты отъ Дона, на урочищѣ, называвшемся *Березы*. Сюда прибѣжали изъ посланнаго впередъ отряда съ вѣстію: Мамай стоитъ на Дону на *Кузьминой Гати* и ожидаетъ къ себѣ Олега да Ягейла литовскаго.—А сколько у него силы?—«И перечесть нельзя,» отвѣчали вѣстники.

Получивъ эту вѣсть, великій князь собралъ на совѣтъ князей и воеводъ и предложилъ имъ на обсужденіе вопросъ: что дѣлать—перевозиться ли за Донъ или ждать врага на этой сторонѣ? На военномъ совѣтѣ нѣкоторые говорили: «надобно намъ оставаться на этой сторонѣ Дона. Враговъ много: и татары, и рязанцы, и литва. Если оставимъ за собою рѣку, то трудно будетъ назадъ идти,—а намъ необходимо держать себѣ путь назадъ.» Андрей и Димитрій Ольгердовичи давали великому князю такой совѣтъ: «если хочешь крѣпкаго бою, вели сегодня же перевозиться, чтобъ ни у кого мысли не было назадъ ворочаться: пусть всякій бьется безъ хитрости, пусть не думаетъ о спасеніи, а съ часу на часъ ждетъ себѣ смерти. А что̀ говорятъ—у нихъ силы велики, то что̀ на это смотрѣть: не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ!» Въ подкрѣпленіе такого со-

вѣта припоминали, между прочимъ, что Ярославъ Великій такимъ именно образомъ побѣдилъ Святополка Окаяннаго и Александръ Невскій—шведовъ.

Въ то время какъ военачальники русскіе рѣшали этотъ важный вопросъ, изъ Троицкаго монастыря пріѣхали гонцы и привезли великому князю благословенную грамоту отъ преподобнаго Сергія, который убѣждалъ его безбоязненно идти на враговъ, обнадеживая небесною помощію. «Чтобъ еси, господине, таки пошелъ,» —писалъ святой старецъ,—«а поможетъ ти Богъ и Пресвятая Богородица.» Эта грамата, подтверждавшая прежнее пророчество преподобнаго Сергія, придала Димитрію мужества и рѣшимости. Прочитавъ ее, онъ воскликнулъ со Псалмопѣвцемъ: «сіи на колесницахъ и сіи па конѣхъ,—мы же имя Господа Бога нашего призовемъ.» Многіе малодушные и черезчуръ осторожные все еще продолжали настаивать на томъ, чтобы оставаться на этой сторонѣ Дона. Димитрій сказалъ имъ: «честная смерть лучше злаго живота. Ужъ лучше было вовсе не идти противъ безбожныхъ татаръ, чѣмъ, пришедши сюда и ничего не сдѣлавши, возвращаться назадъ.» Такимъ образомъ великій князь присоединился къ совѣту Ольгердовичей: рѣшено было переправиться за Донъ и отважиться на крѣпкій бой съ врагами—или побѣдить или умереть со славою.

Русское войско двинулось къ Дону и увидѣло его наканунѣ праздника Рождества Богородицы 7-го сентября: русскій станъ расположенъ былъ при рѣкѣ Себенкѣ, впадающей въ Донъ. Около полудня получена была вѣсть: Мамай узналъ, что идетъ на него Димитрій; передовые отряды наши уже бились съ татарами. «Всѣ силы земныя, силы всѣхъ властей и князей своихъ Мамай ведетъ на насъ,» —извѣщалъ великаго князя начальникъ передоваго отряда Семенъ Меликъ,—«онъ

уже на *Гусиномъ-броду:* только одна ночь между нашими и ихъ полками. Вооружайся, княже! Завтра нападутъ на насъ татары.» —Русскіе стали строить мосты, искать бродовъ и перешли черезъ Донъ пониже устья рѣчки Непрядвы [15]), близь нынѣшней деревни Сычевки.

Итакъ завтра предстоялъ великій день—день кровавой раздѣлки русскихъ съ своими поработителями! Понятно, что настроеніе духа какъ Димитрія, такъ и всѣхъ русскихъ, готовившихся испить завтра смертную чашу, не могло не быть томительно—тревожное; у всѣхъ была одна тяжелая, гнетущая дума: чѣмъ разрѣшится завтрашній день для русскаго воинства и для всего отечества, защитники котораго собрались сюда на кровавый бой?...

Мракъ осенней ночи ниспустился на русскій станъ, призывая всѣхъ къ покою,—но покой русскаго воинства былъ тревоженъ...

О ночь, о ночь,
Лети стрѣлой!

Объ этой таинственной ночи наканунѣ великой битвы Куликовской въ «Сказаніи о Мамаевомъ Побоищѣ» разсказывается слѣдующее:

Вечерняя заря потухла и наступила ночь—ночь теплая и тихая. Послѣ полуночи къ великому князю явился Димитрій Боброкъ, родомъ волынецъ, пришедшій вмѣстѣ съ Ольгердовичами служить Димитрію противъ враговъ христіанской вѣры. Будучи удалымъ и опытнымъ воителемъ, Боброкъ въ тоже время былъ иску-

---

[15]) Рѣчка Непрядва вытекаетъ въ Богородицкомъ уѣздѣ Тульской губерніи изъ ключей, въ 25 верстахъ отъ города, близь села Знаменскаго, недалеко отъ источниковъ рѣки Упы, а въ Епифанскомъ уѣздѣ, въ 20 верстахъ ниже города, впадаетъ въ Донъ, совершивъ всего теченія около 40 верстъ.

сенъ и въ гаданіяхъ. «Хочешь ли»,—сказалъ онъ великому князю,—«я покажу тебѣ такія примѣты, по которымъ ты узнаешь, что̀ случится впередъ?» Уговорившись никому не сообщать о томъ, что̀ они намѣрены предпринять и что̀ узнаютъ, Димитрій и Боброкъ сѣли на коней и направили свой путь вдвоемъ отъ русскаго стана впередъ. Предъ ними разстилалось широкое ровное поле, простиравшееся на 10 верстъ, сзади—Донъ, впереди—рѣчка Непрядва, впадающая въ Донъ. Это поле звалось *Куликово*. Они остановились посреди поля, между татарскимъ и русскимъ станомъ, въ ночной темнотѣ.

Боброкъ сказалъ Димитрію: «оборотись къ татарской сторонѣ и слушай, князь!» Они стояли нѣсколько времени молча: и слышны были имъ крикъ и стукъ, звучали трубы, а далѣе завывали волки и будто дрались между собою; по правую же сторону кричали птицы, граяли вороны, клектали орлы надъ рѣкою Непрядвою.

«Что̀ слышишь?» спросилъ Боброкъ.

— Страхъ и гроза!—отвѣчалъ великій князь.

«Теперь—сказалъ Волынецъ—оборотись, княже, на русскій полкъ.»

Оба повернулись назадъ, лицомъ къ Дону.

«Что̀ слышишь!» спросилъ Боброкъ нѣсколько минутъ спустя.

— Ничего не слышу,—отвѣчалъ великій князь:—тишина великая; вижу только будто зарево отъ многихъ огней.

Димитрій Боброкъ сказалъ ему: «Господине княже! благодари Бога и Пречистую Богородицу, и великаго чудотворца Петра, и всѣхъ святыхъ: огни—это доброе знаменіе тебѣ; призывай Бога на помощь и молись Ему часто; не оскудѣвай вѣрою къ Нему и Пречистой Богородицѣ, и къ пастырю вашему и молебнику, ве-

ликому чудотворцу Петру. Это—добрыя примѣты. Но у меня есть еще иная примѣта.»

Слѣзши съ коня, Боброкъ припалъ къ землѣ правымъ ухомъ, долго прислушивался, потомъ вставъ приложилъ къ землѣ другое ухо и, поднявшись съ земли, былъ встревоженъ, опустилъ голову и ничего не говорилъ. «Ну что̀, братъ Димитрій?» спросилъ его великій князь. Боброкъ не отвѣчалъ и былъ смущенъ. Великій князь спросилъ его въ другой разъ,—онъ все молчалъ. Великій князь сталъ упрашивать его, умаливать,—Боброкъ прослезился. Великій князь испугался и сказалъ ему: «братъ Димитрій! скажи мнѣ; иначе сердце у меня будетъ болѣть.»

«Господине княже!—сказалъ ему Боброкъ—только тебѣ одному повѣдаю, а ты никому не говори объ этихъ двухъ примѣтахъ: одна тебѣ на великую радость, а другая на великую скорбь. Я припадалъ къ землѣ ухомъ и слышалъ, ка̀къ земля горько и страшно плакала: на одной сторонѣ, казалось, будто плачетъ женщина-мать о дѣтяхъ своихъ и голоситъ по татарски и разливается слезами; а на другой сторонѣ казалось мнѣ, будто дѣвица плачетъ тонкимъ свирѣльнымъ голосомъ, въ большой скорби и печали. Много я битвъ перебылъ, много примѣтъ испыталъ и знаю я ихъ. Уповай на милость Божію: ты одолѣешь татаръ; но и твоего христіанскаго воинства падетъ подъ остріемъ меча многое множество.»

Заплакалъ Димитрій, услышавъ это, но потомъ сказалъ: «какъ угодно Господу, пусть и будетъ такъ. Кто можетъ противиться Его волѣ?»

«Господине княже!—сказалъ еще разъ Боброкъ—не слѣдуетъ тебѣ никому говорить объ этомъ въ полкахъ, чтобы не уныло у многихъ сердце. Призывай на помощь Господа Бога, и Пречистую Богородицу, и вели-

каго чудотворца Петра, и всѣхъ святыхъ: вооружайся животворящимъ крестомъ Христовымъ: то̀ Его оружіе непобѣдимое.»

Подавляемые тяжелыми думами, великій князь и Боброкъ медленно поѣхали назадъ въ свой станъ,—и за ними выли страшно волки: волковъ было такое множество, что, казалось, будто они сбѣжались со всего свѣта; и вороны кричали, и орлы клектали.., Страшно было въ эту ночь!

Въ эту же самую знаменательную ночь были видѣнія и другимъ. Въ русскомъ войскѣ былъ нѣкто Ѳома Кацюгей. Этотъ человѣкъ былъ нѣкогда разбойникомъ, но раскаялся и рѣшился теперь искупить свои злодѣянія добровольною смертію за правое дѣло въ войнѣ съ невѣрными. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ необыкновенной тѣлесной силы и чрезвычайно отважный, поэтому его и поставили на стражѣ отъ татаръ. Стоя на своемъ мѣстѣ, онъ увидалъ, будто по воздуху съ востока выступаетъ огромное полчище, и вдругъ съ юга на это полчище устремляются двое вооруженныхъ юношей и начинаютъ поражать его мечами. Кацюгей слышалъ, ка̀къ эти юноши говорили, обращаясь къ враждебному полчищу: «кто далъ вамъ право губить наше отечество, дарованное, намъ Господомъ?» Многихъ они убили, а другихъ разогнали. Поутру Кацюгей пересказалъ великому князю свое дивное видѣніе. Димитрій уразумѣлъ, что эти двое юношей — святые страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ, его праотцы по плоти, всегда молящіеся предъ престоломъ Божіимъ за родную Русь и уже помогавшіе Александру Невскому въ войнѣ его со шведами (въ 1240 году).

Наконецъ томительная ночь прошла. Утромъ рано, 8 сентября (въ праздникъ Рождества Богородицы), войско русское стало готовиться къ битвѣ. Взошло

солнце, но земля покрыта была еще густымъ туманомъ, такъ что часа два еще ничего не было видно. Эта мгла была благодѣтельна для русскихъ: предусмотрительный Димитрій отправилъ тѣмъ временемъ Владиміра Андреевича и Димитрія Боброка съ отборнымъ войскомъ вверхъ по теченію Дона за лѣсъ, въ засаду. Наконецъ туманъ разсѣялся, и засіяло солнце. Великій князь, проѣхавшись предъ русскими полками, говорилъ повсюду: «отцы и братія! ради Господа, подвизайтесь за вѣру христіанскую и за святыя церкви: смерть тогда—не въ смерть, а въ животъ вѣчный.» Всѣ изъявляли достойную истинныхъ христіанъ и гражданъ готовность и рѣшимость умереть за вѣру и отечество. Затѣмъ Димитрій пріѣхалъ подъ свое великняжеское черное знамя, помолился образу Спасителя, вышитому на знамени, сошелъ съ коня и передалъ его боярину своему Михаилу Бренку, снялъ съ себя свой великокняжескій плащъ и надѣлъ на Бренка, велѣвъ ему сѣсть на своего коня, а своему знаменосцу приказалъ нести передъ нимъ великокняжеское знамя. Окружающіе великаго князя упрашивали его стать въ безопасномъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ только смотрѣть на битву и руководить ею, не подвергая опасности своей жизни. Но Димитрій отказался отъ этого, говоря: «я у васъ первый надъ всѣми: я болѣе всѣхъ васъ получалъ всегда добраго,—и теперь долженъ первый съ вами терпѣть.» Преобразившись въ простаго воина, великій князь вкусилъ благословеннаго хлѣбца, присланнаго ему преподобнымъ Сергіемъ вмѣстѣ съ грамотою, и, прилагая руки ко кресту, висѣвшему у него на груди, [16]) читалъ молитву: «на тебя упованіе мое, святый кресте! Единая и конечная моя надежда, помогай намъ! Какъ

[16]) На этомъ крестѣ изображены были страсти Христовы, и въ него вложена была часть Животворящаго Древа.

древле ты помогъ великому царю Константину побѣдить враговъ Христа, такъ и намъ даруй побѣду надъ злочестивымъ Мамаемъ и всею его надменною силою!»

Русское войско двинулось къ устью Непрядвы. Около 9-ти часовъ утра русскіе увидѣли Мамаево полчище, сходившее съ холма: оно двигалось, какъ туча, стѣнами; задніе воины клали копья на плеча переднимъ,— а копья у нихъ были устроены такъ, что у заднихъ были длиннѣе, а у переднихъ короче. Одежда у татаръ была темнаго цвѣта: они казались въ ней мрачными и унылыми. Наши же войска напротивъ отличались нарядностію и производили пріятное впечатлѣніе. Множество знаменъ колыхались отъ тихаго вѣтра, какъ облака; свѣтились образа на знаменахъ, блестѣли и доспѣхи ратниковъ, словно утренняя заря въ ясное время. Такъ сходились русскія силы съ татарскими съ противоположныхъ возвышеній. Мамай сталъ съ своими князьями на возвышеніи, чтобы наблюдать оттуда за ходомъ битвы. Враждебныя полчища, сойдясь на близкое разстояніе одно отъ другаго, измѣряли другъ друга пытливымъ взглядомъ. Вдругъ изъ татарскаго войска выѣзжаетъ богатырь (по имени Телебей), хвалится своею силою и храбростью и вызываетъ достойнаго и способнаго изъ русскихъ помѣряться съ нимъ. Онъ былъ громаднаго роста и чрезвычайно силенъ. Такой-то новый Голіаѳъ выступилъ для открытія борьбы. По обычаю, существовавшему у татаръ, у нихъ всегда такіе удальцы-силачи начинали дѣло съ непріятелемъ, показывая собою примѣръ другимъ, воодушевляя робкихъ. «Кто идетъ противъ меня?» громко кричалъ Тебелей. Изъ русскихъ не находилось, повидимому, охотника—отважиться на единоборство съ страшнымъ богатыремъ татарскимъ... Но вотъ изъ русскаго стана выступилъ Пересвѣтъ. Шлемъ его былъ

накрытъ схимою, возложенною на него преподобнымъ Сергіемъ. Рѣшившись идти на единоборство съ Телебеемъ, онъ сѣлъ на боеваго коня, обратился лицемъ къ русскимъ полкамъ и закричалъ во всеуслышаніе: «отцы и братья, простите меня грѣшнаго! Братъ Ослябя, моли за меня Бога! Преподобный Сергіе, помогай мнѣ молитвою твоею!» Сказавъ это, онъ поворотилъ коня и понесся во всю прыть на татарина,—а тотъ уже летѣлъ ему навстрѣчу: они столкнулись на всемъ скоку и изо всѣхъ силъ ударили одинъ другаго копьями, такъ что кони ихъ отъ удара присѣли на корачки, а они полетѣли наземь оба мертвые.... Таково было начало битвы: русскій богатырь—инокъ избавилъ отъ поношенія своихъ соотечественниковъ!

Затрубили трубы, давая знакъ къ общей битвѣ. Русскіе крикнули: «Боже христіанскій, помоги намъ!» Татары призывали на помощь своего Магомета. Началась всеобщая сѣча—неистовая сѣча. Такой сѣчи, по сказанію современниковъ, еще никогда не было на Руси. Бились не только оружіемъ, но и рукопашно: задыхались отъ тѣсноты; умирали подъ конскими копытами. Кровь полилась по травѣ потоками. Христіане и невѣрные испускали дыханіе, переплетаясь между собою въ предсмертныхъ страданіяхъ... Вскорѣ татары, превосходившіе русскихъ численностью, стали одолѣвать. Нѣкоторые московскіе неопытные юноши, «небывальцы въ браняхъ,» думая, что все уже погибло, ударились въ бѣгство,—татары погнались за ними. Замѣтивъ черное великокняжеское знамя они направили туда всѣ усилія,—добрались до него, изрубили знамя и убили Михаила Бренка, принявъ его по одеждѣ за великаго князя. Ужасъ распространялся болѣе и болѣе въ русскихъ рядахъ. Падали князья, падали бояре, все бѣжало... Въ числѣ прочихъ палъ и Ослябя—товарищъ

Пересвѣта, вмѣстѣ съ богатыремъ Григоріемъ Капустинымъ [17]).

Великаго князя, вмѣшавшагося въ ряды простыхъ воиновъ, сбили съ коня: онъ сѣлъ на другаго коня; на него бросились четыре татарина, сшибли его съ коня и погнались за нимъ. Молодой князь новосильскій, замѣтившій опасность, грозившую великому князю, оборонилъ его и далъ ему возможность спастись. Димитрій почувствовалъ на своихъ доспѣхахъ многіе удары. Наконецъ въ общей сумятицѣ онъ совсѣмъ исчезъ изъ виду...

Русскіе терпѣли полное пораженіе, и татары торжествовали...

Владиміръ Андреевичъ и Димитрій Боброкъ видѣли изъ-за дубравы все, происходившее на полѣ битвы. Князь нѣсколько разъ порывался выскочить,—Боброкъ удерживалъ его. Когда же находившіеся въ засадѣ увидѣли, что татары одолѣваютъ, Владиміръ терялъ терпѣніе.

«Димитрій!—кричалъ онъ въ отчаяніи—что̀ это такое? кому же пользуетъ наше тутъ стояніе? кому мы помогать будемъ? Бѣда приходитъ!»

— Да, бѣда великая!—отвѣчалъ сдержанный и разсудительный Боброкъ,—да намъ еще не пришло время. Кто не въ пору начинаетъ, тотъ бѣду принимаетъ. Потерпимъ еще немного, пока придетъ нашъ часъ.... Молись Богу, да ожидай осьмаго часа [18]), будетъ намъ благодать и Христова помощь.

---

[17]) Гробницы Пересвѣта и Ослябя находятся близь Симонова монастыря (около москвы), въ церкви Рождества Богородицы, въ слободкѣ „Старое Симоново,“ гдѣ былъ первоначально нынѣшній Симоновъ монастырь. Димитрій Іоанновичъ приказалъ привезть сюда тѣла первыхъ сподвижниковъ своихъ на Куликовомъ полѣ.

Между тѣмъ положеніе русскихъ стало еще хуже: они разстроились и смѣшались еще болѣе, а татары нападали на нихъ еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ. Видя это, находившіеся въ засадѣ плакали надъ гибелью своихъ братьевъ и рвались помочь имъ; но неумолимо-разсудительный Боброкъ все удерживалъ ихъ и велѣлъ дожидаться осьмаго часа. Наконецъ, когда татары думали, что уже одержали окончательно побѣду, тогда-то именно и наступилъ обѣтованный и вожделѣнный осьмой часъ... Боброкъ, обнажая мечъ, сказалъ: «княже Владиміре и вы, сыны русскіе, братья и друзья! часъ приспѣлъ и пора пришла: идемъ — и поможетъ намъ благодать Святаго Духа.»

Вѣтеръ, дувшій имъ до сихъ поръ въ лицо, перемѣнился: сзади повѣялъ на нихъ полуденный вѣтеръ. Съ крикомъ и шумомъ выскочили они стремительно изъ засады, словно соколы на журавлиное стадо, прямо въ тылъ татарамъ, и начали поражать ихъ безпощадно. Неожиданное появленіе свѣжаго войска съ такой стороны, гдѣ его никакъ не предполагали, навело на татаръ неописанный страхъ. «Бѣда намъ!—вопили они—Русь перехитрила насъ: худыхъ мы побили, а лучшіе теперь обрушились на насъ.» Со страху имъ показалось, что они совсѣмъ уже разбиты. Когда на нихъ нагрянулъ засадный полкъ, они уже потеряли свой строй и не могли возстановить его: кони у нихъ утомились, руки ихъ ослабѣли, ноги устали. Ошеломленные, они не видѣли и не знали, гдѣ чужой, куда имъ броситься,—они обратились въ дикое бѣгство... Мамай, увидѣвъ такое смятеніе своего войска, вмѣсто

---

[18]) Тогда считали часы дня отъ восхода солнца до захода, а часы ночи—отъ захода до восхода. Осьмой часъ по нашему теперешнему счету—3-й часъ по полудни.

того, чтобы попытаться поправить дѣло—послать на помощь силы, еще остававшіяся около него, бросилъ холмъ, съ котораго слѣдилъ за битвою, и бѣжалъ,—а за нимъ бѣжали его князья и всѣ, кто только успѣвалъ спастись отъ русскихъ. Поражаемые со всѣхъ сторонъ уже безотпорно, татары устлали своими тѣлами широкую степь на пространствѣ пятидесяти верстъ. Однѣ толпы бѣжали за Непрядву, и очень много ихъ потонуло въ этой рѣкѣ; другія толпы ударились вправо, къ рѣкѣ Красивой Мечѣ: [19]) преслѣдуемые русскими и застигнутые ночью, татары бросались въ рѣку и гибли въ ней тысячами. Самому Мамаю только съ очень немногими удалось перебраться за Красивую Мечу. Въ добычу русскимъ достался весь станъ непріятельскій; множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоцѣнностями.

Такъ рѣшена была участь Куликовской битвы въ пользу русскихъ предусмотрительностью Димитрія, благоразуміемъ Боброка и храбростью Владиміра!

Побѣда одержана,—но гдѣ же великій князь?

День склонялся уже къ вечеру. Мужественный князь Владиміръ, предоставивъ части русскаго войска добивать толпы татаръ, бѣжавшихъ по направленію къ Мечѣ, самъ остановился *на костяхъ*—на полѣ битвы и приказалъ трубить на сходъ. Его окружили толпы уцѣлѣвшихъ русскихъ воиновъ. Онъ началъ съ тревогою разспрашивать о великомъ князѣ:

«Гдѣ братъ Димитрій—великій князь? Кто изъ васъ видѣлъ его?»

Одни отвѣчали, что не видали; другіе считали его мертвымъ. Одинъ изъ Ольгердовичей сказалъ: «падѣем-

---

[19]) Рѣка Красивая Меча протекаетъ по ефремовскому, богородицкому и крапивинскому уѣздамъ тульской губерніи.

ся, что онъ живъ, только гдѣ нибудь между трупами и сильно раненъ.»

«А я видѣлъ его — сказалъ одинъ воинъ: — онъ въ простомъ платьѣ бился съ татарами. Четыре татарина окружили его; онъ бился съ ними и бѣжалъ отъ нихъ.»

Тутъ подошелъ къ Владиміру Андреевичу князь Стефанъ новосильскій и объяснилъ ему слѣдующее: «передъ самымъ твоимъ приходомъ я видѣлъ, какъ онъ шелъ пѣшкомъ на побоищѣ. Онъ былъ раненъ. За нимъ гнались четверо враговъ. Я сразился съ однимъ изъ этихъ татаръ и побѣдилъ его. Затѣмъ я поскакалъ за тѣми тремя, что̀ гнались за великимъ княземъ, — но трудно было мнѣ за ними слѣдовать: конь не могъ идти по человѣческимъ трупамъ. Но я догналъ еще одного татарина и убилъ его. Остальные напали на меня, и я убилъ еще одного, а послѣдній убѣжалъ. Я погнался и за тѣмъ; но увидѣли другіе татары и бросились на меня и нанесли мнѣ удары, и я упалъ и остался между трупами, пока ты пришелъ сюда.»

Такимъ образомъ, къ общему огорченію, никому не было извѣстно, гдѣ великій князь и что̀ съ нимъ — живъ онъ или нѣтъ.

Владиміръ Андреевичъ закричалъ во всеуслышаніе: «братья! кто найдетъ великаго князя, тому будетъ великая честь.»

Разсыпавшись по полю, ратные люди начали отыскивать великаго князя. И вотъ одна толпа закричала: «убитъ, убитъ!» Но убитый былъ не великій князь, а Михаилъ Бренокъ: онъ лежалъ въ великокняжеской одеждѣ, которую надѣлъ на себя предъ началомъ битвы. Немного спустя, другая толпа, наткнувшись на одинъ трупъ, опять закричала: «убитъ, убитъ!» Но это былъ князь бѣлозерскій, Ѳедоръ Семеновичъ, похожій

на великаго князя. Два ратника—Өедоръ Сабуровъ и Григорій Холопищевъ, костромичи родомъ [20]), свернули вправо въ дубраву. Наткнувшись на лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ человѣка и присмотрѣвшись, они узнали великаго князя. Онъ былъ покрытъ вѣтвями. Нагнувшись надъ нимъ, ратники закричали: «господине княже!» Замѣтивъ, что князь дышетъ и что утомленные глаза у него то открываются, то закрываются, они закричали: «живъ, живъ! великій князь Димитрій Іоанновичъ здравствуетъ!» Радостная вѣсть быстро перелетала отъ одного къ другому. Всѣ поскакали къ тому мѣсту, гдѣ былъ найденъ великій князь. Владиміръ Андревичъ, сошедши съ коня и нагнувшись къ Димитрію, громко сказалъ: «братъ Димитрій Іоанновичъ и великій князь, нашъ древній Ярославъ, новый Александръ! побѣда, побѣда повѣдается тебѣ!»

Великій князь открылъ глаза и проговорилъ, еще не совсѣмъ придя въ себя: «кто это говоритъ? что за рѣчи я слышу?»

Владиміръ Андреевичъ сказалъ: «по милости Бога и Пречистой Матери Его, помощію сродниковъ твоихъ, страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, моленіемъ святаго Петра и способника его Сергія игумена, побѣждены супостаты: мы спасены!»

— Кто это говоритъ?—еще разъ спросилъ Димитрій.

«Это я, братъ твой Владиміръ, говорю тебѣ.»

Великій князь сталъ приходить въ себя, сталъ приглядываться. Его подняли. Когда онъ всталъ, то увидѣли, что на шлемѣ и латахъ его было много рубцовъ

———

[20]) Знаменательная случайность: сколько разъ на долю костромичей выпадалъ завидный жребій—быть такъ или иначе спасителями своихъ государей! Сабуровъ и Холопищевъ, Иванъ Сусанинъ, Осипъ Ивановичъ Коммисаровъ—все костромичи.

отъ татарскихъ мечей. Осмотрѣвшись наконецъ и понявъ, въ чемъ дѣло, великій князь воскликнулъ радостно: «сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь!» Владиміръ Андреевичъ разсказалъ ему все, что было послѣ того, какъ великій князь перестал̃ъ видѣть битву. Димитрій радовался и хвалилъ храбрость своего воинства. Узнавъ же, что виновникомъ и рѣшителемъ побѣды былъ Боброкъ, онъ обратился къ нему съ чувствомъ и сказалъ: «братъ Димитрій! истинно ты разумливъ: неложна твоя примѣта. Тебѣ должно быть всегда воеводою.»

Великому князю помогли сѣсть на коня. Сопровождаемый братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ, уцѣлѣвшими князьями и воеводами, онъ поѣхалъ по полю битвы. Онъ слышалъ здѣсь стоны умиравшихъ, видѣлъ множество тѣлъ, наваленныхъ, какъ копны, видѣлъ цѣлые потоки струившейся крови... Много славныхъ и храбрыхъ князей, воеводъ и простыхъ воиновъ встрѣтилъ онъ мертвыми на своемъ пути. Особенно жаль было ему князей бѣлозерскихъ, отца и сына, и боярина своего Михаила Бренка. Въ числѣ прочихъ узналъ онъ и чернеца Пересвѣта: лежалъ нашъ схимникъ—Давидъ вмѣстѣ съ татарскимъ Голіаѳомъ. «Вотъ, братіе, нашъ починальникъ!» сказалъ великій князь, обращаясь къ сопровождавшимъ его,—«вотъ онъ, провозвѣстившій намъ побѣду пораженіемъ подобнаго сильнаго, отъ котораго намъ пришлось бы испить горькую чашу» [21].

[21]) Въ житіи преподобнаго Сергія, благословившаго Димитрія на брань и давшаго ему такихъ достойныхъ сподвижниковъ, повѣствуется, что во время битвы на Куликовомъ полѣ онъ, стоя въ Троицкой обители на молитвѣ съ иноками, по дару прозорливости, возвѣщалъ имъ о ходѣ битвы, называлъ по именамъ убитыхъ и молился за нихъ.

Еще восемь дней послѣ того стояли русскіе на полѣ, пріобрѣвшемъ такую громкую славу въ русской исторіи. Ратные люди разбирали тѣла, отдѣляя христіанъ отъ невѣрныхъ, татарскія тѣла оставили гнить на поверхности земли, а христіанскія предали погребенію по православно-церковному обряду: «И воспѣли—говоритъ лѣтописецъ—священники вѣчную память избіеннымъ отъ татаръ на Куликовомъ полѣ между Дономъ и Мечею; и великій князь съ братомъ своимъ и все воинство пропѣли вѣчную память съ плачемъ и слезами.»

Число всѣхъ убитыхъ въ Задонской битвѣ простиралось до 200,000 человѣкъ слишкомъ. Изъ всей русской силы уцѣлѣло только 40,000 человѣкъ: Куликовская побѣда была изъ числа такихъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. По замѣчанію лѣтописца, «оскудѣла совершенно вся земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ.» Но чѣмъ большихъ усилій и потерь стоила русскимъ борьба съ страшнымъ полчищемъ Мамаевымъ, тѣмъ славнѣе и блистательнѣе была Куликовская побѣда. И главнымъ вождямъ и героямъ дня 8-го сентября 1380 года справедливо и вполнѣ заслуженно усвоены общимъ голосомъ почетныя и безсмертныя прозванія, съ которыми они перешли въ потомство: великій князь Димитрій Іоанновичъ получилъ прозваніе *Донскаго*, а двоюродный братъ его Владиміръ Андреевичъ—*Храбраго*.

Отдавъ послѣдній христіанскій долгъ всѣмъ русскимъ воинамъ, павшимъ на полѣ брани, Димитрій Іоанновичъ предпринялъ съ остатками своего ополченія обратный походъ въ Москву. Какъ и прежде, онъ строго запретилъ своимъ воинамъ обижать подданныхъ своего врага, Олега Ивановича рязанскаго, во время прохожденія Рязанскою землею: несправедливо и недостой-

но было бы наказывать невинныхъ за вину виновнаго! 21-го сентября побѣдитель Мамая благополучно прибылъ въ Коломну. Епископъ встрѣтилъ его торжественно съ крестнымъ ходомъ и отслужилъ благодарственный молебенъ въ соборѣ [22]). Въ Коломнѣ Димитрій Іоанновичъ пробылъ четыре дня; лѣтописецъ говоритъ, что онъ почивалъ здѣсь отъ трудовъ: «бѣ бо вельми утружденъ и утомленъ» (Никон. лѣт. IV, 124). Наконецъ къ празднику Покрова Божіей Матери великій князь, послѣ сорокадневнаго отсутствія, прибылъ въ свою столицу. Митрополитъ Кипріанъ встрѣтилъ его въ Андроньевомъ монастырѣ, сказалъ ему привѣтствіе, осѣнилъ крестомъ и окропилъ святою водою. Отстоявъ обѣдню и отслушавъ благодарственный молебенъ въ Андроньевомъ монастырѣ, Димитрій продолжалъ путь далѣе. Во Фроловскихъ воротахъ онъ былъ встрѣченъ радостною супругою съ сыновьями, Василіемъ и Юріемъ. Вступивъ въ кремль, великій князь отправился прежде всего въ храмъ Архистратига Михаила поклониться гробамъ своихъ прародителей, затѣмъ — въ Успенскій соборъ воздать благодареніе Небесной Заступницѣ и поклониться мощамъ святаго митрополита Петра, и наконецъ прибылъ въ свой дворецъ. Какъ началъ, такъ и завершилъ онъ свой великій подвигъ— молитвою и дѣлами милосердія: розданы были обильныя милостыни по церквамъ и монастырямъ, нищимъ

---

[22]) На мѣстѣ нынѣшняго Успенскаго собора стоялъ древній, построенный по повелѣнію Димитрія Іоанновича послѣ возвращенія его съ Куликовской побѣды. Этотъ древній соборъ вмѣщалъ въ себѣ нѣкогда неоцѣненную святыню: державный побѣдитель Мамая оставилъ въ немъ икону Богоматери, поднесенную ему жителями Дона и бывшую съ нимъ на Куликовомъ полѣ. Въ 1672 году, при епископѣ Іосифѣ, старый соборъ былъ разобранъ и заложенъ новый—теперешній.

и убогимъ. Въ заключеніе всего, по распущеніи войска, Димитрій Іоанновичъ предпринялъ путешествіе въ Троицкій монастырь, основатель котораго принималъ такое дѣятельное и благотворное участіе въ судьбахъ своего отечества. По просьбѣ великаго князя, преподобный Сергій отслужилъ панихиду о упокоеніи всѣхъ православныхъ воиновъ, положившихъ животъ свой за вѣру и отечество на Куликовомъ полѣ. Оставивъ богатый вкладъ монастырю и одѣливъ щедро братію, Димитрій Іоанновичъ возвратился въ Москву.

Мамай, какъ мы видѣли, обратился въ бѣгство, видя всеобщее смятеніе своего войска, поражаемаго русскими. Прибѣжавъ въ свою столицу, онъ собралъ опять большое войско, съ тѣмъ, чтобы идти снова на Московскаго князя, но его остановилъ другой врагъ: на него напалъ зауральскій ханъ Тохтамышъ, выгналъ его и овладѣлъ Золотою Ордою. Преслѣдуемый Тохтамышемъ, Мамай искалъ убѣжища въ Каѳѣ [23]), но былъ убитъ здѣсь генуэзцами. Союзникъ Мамая великій князь литовскій Ягейло, стоя подъ Одоевымъ (въ 40 верстахъ отъ мѣста Донскаго побоища), услышалъ о пораженіи русскими Мамаевыхъ полчищъ и воротился домой. Другой союзникъ Мамая, Олегъ рязанскій, обманутый въ своихъ замыслахъ и надеждахъ, бѣжалъ изъ своей земли; впослѣдствіи однако онъ покорился великому князю московскому и примирился съ нимъ, при содѣйствіи преподобнаго Сергія, который

---

[23]) Городъ Каѳа находился на Крымскомъ полуостровѣ, и составлялъ часть нынѣшней Ѳеодосіи (уѣзднаго города Таврической губерніи).

тихими и кроткими рѣчами склонилъ его къ миру съ Димитріемъ Іоанновичемъ [21]).

Итакъ народъ Русскій въ одинъ день, одною битвою освободился навсегда отъ постыднаго полуторавѣковаго рабства? Къ сожалѣнію, еще нѣтъ! Потерянная свобода не возвращается такъ легко и скоро. Чрезъ два года послѣ Куликовской битвы Тохтамышъ, сдѣлавшись ханомъ Золотой Орды, нагрянулъ на Москву: Москва была разорена, и земля Русская признала надъ собою снова господство татаръ въ лицѣ новаго завоевателя Тохтамыша.

Чтоже, ужели кровь столькихъ вѣрныхъ и доблестныхъ сыновъ Россіи была пролита даромъ на Куликовомъ полѣ? Благодареніе Богу, нѣтъ—не даромъ! Такая великая жертва не могла быть напрасною и безплодною. Во первыхъ, Куликовская битва спасла тогдашнюю Русь отъ мести Мамая и страшнаго разоренія татарами. Во вторыхъ, Куликовская битва, память о которой глубоко запечатлѣлась въ русскомъ духѣ, была предвозвѣстницею и подготовительницею освобожденія Россіи отъ ига дикихъ завоевателей. Много разъ послѣ того татары давали русскимъ чувствовать себя,—но впечатлѣніе Куликовской битвы не умирало:

---

[21]) Въ память примиренія князя рязанскаго Олега съ Димитріемъ Іоановичемъ, чрезъ пять лѣтъ послѣ Куликовской битвы (въ 1385 году), основанъ былъ Богоявленскій Голутвинъ монастырь. Этотъ монастырь, находящійся въ 4 верстахъ отъ города Коломны, стоитъ на величественно-красивомъ холмѣ, при сліяніи Москвы-рѣки съ Окою, на самой границѣ между Московскою и Рязанскою губерніями. Мѣсто для него выбрано было примирителемъ двухъ столь долго враждовавшихъ между собою князей—преподобнымъ Сергіемъ. До сихъ поръ хранится въ монастырѣ его посохъ, который онъ водрузилъ въ землю для указанія, гдѣ быть храму обители.

Русь уже испытала, что можно не только отбивать грозныхъ татаръ, но и истреблять многочисленныя ихъ полчища; а въ многочисленномъ полчищѣ была вся сила, все могущество Орды. Съ памятью Куликовскаго побоища Русь возрастала и дожидалась лучшихъ временъ,—и когда пришли они, Русь совершила надо всею силою завоевательнаго полчища то, что̀ сдѣлала прежде на Куликовомъ полѣ надъ полчищемъ Мамаевымъ. Русь разсѣяла, истребила, стерла съ земли эту грозную завоевательную силу. Такимъ образомъ побѣда Куликовская нравственнымъ вліяніемъ на духъ народный стала какъ бы первообразнымъ событіемъ не только освобожденія Руси отъ татаръ, но и пораженія татаръ русскими, — господства славянскаго племени надъ завоевательными и разрушительными племенами Средней Азіи.

Въ Епифанскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ 20 верстахъ отъ Епифани, находится село Рождественское, въ просторѣчіи называемое Монастырщина [25]). На десятиверстномъ пространствѣ отъ этого села протянулось поле Куликово—между излучистымъ Дономъ и быстрою Непрядвою [26]) и верховьями Уперты, Соловы, Зуши, Плавы и Снѣжеды. Въ полуторѣ верстѣ отъ села Монастырщины находится *Зеленая Дубрава:* здѣсь виднѣются 112 дубовъ—остатокъ отъ той дубравы, въ которой Владиміръ Андреевичъ и Боброкъ стояли съ засаднымъ полкомъ, столь блистательно рѣшившимъ участь Куликовской битвы, и въ которой великій князь Дими-

---

[25]) Это село принадлежало нѣкогда Крутицкому монастырю.

[26]) Донъ и Непрядва, сливаясь вмѣстѣ, образуютъ неправильный треугольникъ.

трій Іоанновичъ найденъ былъ лежащимъ безъ чувствъ подъ березою. Здѣсь, близъ рѣчки Смолки [27]), кипѣлъ самый жаркій бой. Въ четырехъ верстахъ отъ Зеленой Дубравы природа образовала возвышенность, называемую *Красный холмъ*. Это—тотъ самый холмъ или курганъ, на которомъ стоялъ Мамай съ своими приближенными, наблюдая за ходомъ битвы, окончившейся для него столь плачевно.

Эта историческая мѣстность скрываетъ въ нѣдрахъ своихъ много замѣчательнаго. На этомъ самомъ мѣстѣ, спустя около 200 лѣтъ послѣ Куликовской битвы, во время Іоанна Грознаго, повторилось снова пораженіе татаръ. Поэтому земледѣлецъ выпахиваетъ здѣсь иногда старинный бердышъ или стрѣлу, копье, монету; но чаще всего попадаются здѣсь кресты и складни—мѣдные и серебряные, которыми издревле любило украшаться наше христолюбивое воинство.

Первымъ памятникомъ Куликовской битвы былъ храмъ, воздвигнутый побѣдителемъ Мамая въ честь Рождества Богородицы въ селѣ Рождественскомъ (Монастырщинѣ). Затѣмъ, чрезъ годъ послѣ Задонской битвы, близъ города Коломны, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, основанъ въ память этой битвы Рождественскій Бобреневъ монастырь; а въ Москвѣ въ память Куликовской битвы воздвигнуты двѣ церкви: въ Кремлѣ, на государевомъ дворѣ, на сѣняхъ церковь Рождества Богородицы, основанная супругою Димитрія Донскаго, Евдокіею, и въ Бѣломъ городѣ церковь Всѣхъ Святыхъ *на Кулижкахъ* (на Солянкѣ, у Варварскихъ воротъ).

Наконецъ, спустя 470 лѣтъ послѣ Мамаева побоища, въ царствованіе императора Николая Павловича, 8-го

---

[27]) Рѣка эта высохла; теперь видно одно русло ея.

сентября 1850 года, торжественно открытъ на мѣстѣ самаго побоища памятникъ *первоначальнику Русской славы*, Димитрію Іоанновичу Донскому. Мѣсто для сооруженія памятника выбрано во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное, посреди Куликова поля, на возвышенномъ холмѣ, откуда взоръ обнимаетъ пространство верстъ на 20 и далѣе, по теченію рѣкъ Непрядвы и Дона. Памятникъ имѣетъ видъ колонны, вылитъ изъ чугуна и увѣнчанъ позолоченымъ сквознымъ крестомъ, которому служитъ подножіемъ луна. Вышина всего памятника 43 аршина. На восточной его сторонѣ поставлена икона Божіей Матери и подъ нею бронзовыми буквами сдѣлана слѣдующая надпись: «*Побѣдителю Татаръ, великому князю Димитрію Іоанновичу Донскому, признательное потомство, лѣта отъ Рождества Христова* 1848.» Повыше, кругомъ всей колонны, помѣщены начало и конецъ XLV псалма: «*Богъ намъ прибѣжище и сила, Помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло. Сего ради не убоимся: Господь силъ съ нами.*» (Читая этотъ псаломъ, говорятъ лѣтописцы, Димитрій полетѣлъ на бранную сѣчу.)

Но самымъ прекраснымъ, достойнымъ, живымъ памятникомъ Куликовской битвы служитъ вѣчное поминовеніе всѣхъ православныхъ воиновъ, положившихъ животъ свой на полѣ брани за Вѣру и Отечество. Это поминовеніе совершается въ *Дмитріевскую субботу*— между 18-мъ и 26-мъ числомъ октября (26 октября — день тезоименитства Димитрія Іоанновича Донскаго — празднуется память святаго великомученика Димитрія Солунскаго). Оно установлено самимъ великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ и совершено имъ въ первый разъ въ Троицкой обители преподобнаго Сергія по возвращеніи съ Мамаева побоища.

*
* *

Куликовская битва, стоящая въ самой срединѣ нашей тысячелѣтней исторической жизни, всегда будетъ возбуждать въ насъ восторженно-благоговѣйное удивленіе и производить на насъ трогательно-отрадное впечатлѣніе, какъ высокій героическій подвигъ нашихъ предковъ. Участники Куликовской битвы—это наши родные крестоносцы, шедшіе подъ знаменемъ креста противъ темнаго татарскаго царства защищать свою вѣру, завоевывать свою свободу, отражать напоръ дикой, всеразрушающей орды. И наши крестоносцы совершили великое дѣло! Что было бы, еслибы побѣда осталась на сторонѣ Мамая? Повторились бы времена Батыевы, только въ болѣе ужасномъ видѣ... И тогда русскимъ пришлось бы, можетъ быть, еще долго-долго дожидаться дня своего освобожденія отъ ненавистнаго ига татарскаго. Но полчища Мамаевы были истреблены,—и для народа Русскаго засіяла свѣтлая и радостная заря свободы...

Пятисотлѣтнюю годовщину Куликовской битвы назначено праздновать и подъ Москвою, въ Николо-Угрѣшскомъ монастырѣ; потому о немъ предлагаемъ свѣдѣнія читателямъ.

Угрѣшскій монастырь въ 15 верстахъ отъ Москвы и въ 6 верстахъ отъ Люберецкой станціи Московско-Рязанской желѣзной дороги. Мѣстность монастыря плоская, но окрестности весьма живописны: въ полуверстѣ отъ Москвы-рѣки, онъ красуется на небольшой площадкѣ, окруженной скатами горъ, обрывистыми оврагами, зеленѣющими холмами, многочисленными селами и деревнями. Мѣсто открытое, безлѣсное, и потому просторъ для глазъ, всюду синяя даль и разнообразіе видовъ. Съ южной стороны, за долиною, по коей из-

вивается Москва рѣка, на возвышенномъ холмѣ, въ густой зелени тѣнистой рощи разросшагося сада, виднѣются церковь и строенія села Острова. Это древняя родовая отчина Московскихъ великихъ князей, часто упоминаемая въ ихъ духовныхъ грамотахъ (нынѣ богадѣльня для престарѣлыхъ лицъ бѣлаго духовенства); далѣе, на самой почти межѣ неба и земли виднѣется бѣлою полосою село Ориненское, существовавшее уже во времена *Калиты;* на востокъ, на высокомъ холмѣ — село Петровское; еще лѣвѣе и къ сѣверу тянутся горы и холмы, по коимъ тамъ и сямъ разбросаны селенія — Гремячево, Кишкино, Денисьево — когда то собственность монастыря; наконецъ на сѣверѣ и западѣ отчасти проглядываетъ между холмовъ село Капотенское; а тамъ — синяя даль... Затѣмъ, село Бесѣды, съ своею древнею изящною церковію, и деревни Дроздова и Слобода, раскинувшіяся по окраинамъ овраговъ, съ своими зеленѣющими пустырями, огородами и садами.

Основаніе Угрѣшской обители относится къ 1380 году и приписывается великому князю Московскому Димитрію Іоанновичу Донскому. Существуетъ преданіе, что въ то время, когда великій князь шелъ съ воинствомъ своимъ на Мамая и расположился шатрами на берегу Москвы-рѣки, тамъ, гдѣ нынѣ обитель, онъ имѣлъ чудесное видѣніе: надъ сосною ему явилась икона Святителя Николая въ лучезарномъ сіяніи, какъ будто окруженная звѣздами и, когда, исполненный трепета и умиленія, онъ палъ на колѣна, молясь предъ нею, и возвелъ къ ней руки свои, она спустилась, и благочестивый и благовѣрный князь сподобился принять ее. Оживленный надеждою и обрадованный таковымъ видимымъ проявленіемъ къ нему благоволенія Божія, онъ радостно воскликнулъ: *«вся сія угрѣша сердце мое!»* Оттого и мѣсто, гдѣ было явленіе, съ той поры сохра-

нило наименованіе *Угрѣши*. На возвратномъ пути, послѣ Куликовской битвы и побѣды надъ врагомъ, когда великій князь снова пришелъ на мѣсто, ознаменованное чудеснымъ явленіемъ иконы, совершено было молебное пѣніе; князь пожелалъ, чтобы здѣсь положено было основаніе храма во имя святителя Николая, а впослѣдствіи устроена и обитель иноческая.

О древности обители свидѣтельствуетъ надпись на одной рукописи (1430 или 1440 годовъ), хранящейся въ Троицкой Лаврѣ въ монастырскомъ книгохранилищѣ; эта надпись сдѣлано рукою Угрѣшскаго игумена *Іоны*, списывавшаго книгу житій святыхъ по благословенію Троицкаго игумена Зиновія (1432—1443 г.): слѣдовательно со времени основанія монастыря тогда протекло только съ небольшимъ 50 лѣтъ.—Изъ лѣтописей видно, что въ 1479 году Угрѣшское подворье находилось въ Кремлѣ, внизу, около того мѣста, гдѣ нынѣ такъ называемая *Водяная башня*.—Угрѣшу часто посѣщали великіе князья; они живали лѣтомъ въ своемъ подмосковномъ селѣ Островѣ, которое верстахъ въ 3-хъ отъ Угрѣшской обители. — Въ наше время многіе богомольцы посѣщаютъ Николо-Угрѣшскій монастырь въ лѣтнее время, преимущественно въ праздничные дни.

